

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

§ 1. О так называемом «объективно-истинном типе уголовного процесса» и некоторых проблемах установления объективной истины по уголовному делу

Приходится констатировать, что в уголовно-процессуальную теорию порой включаются под видом научности наукообразные понятия, которые, несомненно, сказываются отрицательно как на обучении и воспитании студентов и аспирантов, на научной деятельности, так и на практике сотрудников правоохранительных органов. Полагаю, что многие из ученых-процессуалистов знают об этих понятиях, но или не обращают на них внимания, как не заслуживающих этого, или даже не знают о них. Конечно, каждый имеет право иметь свой взгляд по тем или иным проблемам уголовного процесса, но высказанные суждения должны иметь подлинно научное обоснование и соответствовать в главном, можно сказать, вековым канонам уголовного процесса, не противоречить им без достаточных для этого причин.

В настоящей работе хочу обратить внимание коллег-процессуалистов и практических работников правоохранительных органов на активно внедряемое в уголовно-процессуальную науку понятие так называемого «объективно-истинного типа уголовного процесса» - по мнению некоторых авторов «более высокого типа уголовного процесса, чем состязательный» [1].

В указанных в сноске авторами «отстаивается необходимость четко различать два самостоятельных типа уголовного процесса – объективно-истинный и состязательный (выигрышно-проигрышный)» [2], обосновывается их противоположность.

Как же определяют сторонники так называемого «объективно-истинного» типа уголовного процесса, его сущность, и как они характеризуют состязательный уголовный процесс?

Указанные типы они характеризуют следующим образом: «необходимо четко различать самостоятельные типы уголовного процесса: объективно-

истинный, в котором все процессуальные принципы и правовые институты направлены на достижение объективной истины. И состязательный (выигрышно-проигрышный), цель и средства которого не выходят за состязательный предел, за рамки, по сути, тавтологического подхода: «состязание для состязания», и пусть победит сильнейший, даже если позиция победителя не соответствует реальной действительности» [3].

И здесь возникают разные вопросы, в том числе такой: «Откуда появился так называемый «объективно-истинный» процесс? Во всех учебниках по уголовному процессу и в монографических исследованиях авторы говорят об «исторических типах уголовного процесса». Например, А.С. Кобликов, применительно к каждому новому типу уголовного процесса, писал о том, что необходимо выяснить: «...как и почему он возник, каковы его основные особенности и отличия от предшествующих типов уголовного процесса. Такой подход делает необходимым широкое использование сравнительно-исторического метода изучения социальных и правовых явлений, к числу которых относится и уголовный процесс» [4].

Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. отмечают: «Типы, формы и виды уголовного судопроизводства – понятия, связанные с историей развития данной процедуры, причем с историей процесса не одного отдельно взятого государства, а историей в общемировом масштабе. Её изучение позволяет выделить наиболее важные черты, свойственные уголовному судопроизводству на различных этапах развития человечества. Тип уголовного процесса – это организация уголовного суда в зависимости от развития состязательных начал, уровня гарантий прав личности, системы доказательств и способов их оценки» [5]. По обоснованному мнению В.П. Божьева, уголовный процесс России в существующем виде формировался на протяжении многих веков, последовательно проходя различные этапы в ходе становления. При этом он вобрал в себя не только российский, но и зарубежный опыт [6]. Значительный вклад в разработку вопроса о типах уголовного процесса и их сущности внесли А.В. Смирнов [7] и Б.К. Калиновский [8].

А что же указанные выше авторы, сторонники «объективно-истинного процесса»? - Они лишь пишут о «самостоятельном» так называемом «объективно-истинном» типе уголовного процесса, не поясняя, в каком виде он существует в современном уголовном процессе России.

Но если состязательный тип уголовного процесса всеми авторами относится к одной из его исторических форм, то каким образом возник и когда появился так называемый «объективно-истинный»? Каковы его истоки? Надо ли при его зарождении принимать новый УПК РФ, вносить изменения в Конституцию РФ, менять принципы процесса и их содержание? Например, останутся ли в нём принцип равенства всех перед законом и судом, принцип гласности и др., какими будут меры процессуального принуждения и их виды? Права и обязанности участников процесса? Каким будет досудебное производство, сохранятся ли стадия возбуждения уголовного дела, будут ли в новом типе процесса особые производства, подобные заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, какими будут судебные стадии и сколько их будет при так называемом «объективно-истинном процессе» и т. д., и т. п.?

На поставленные вопросы авторы не отвечают, просто «объективно-истинный» и всё. Получается, что они открыли новый исторический тип уголовного процесса – «объективно-истинный»? Лично мне это напоминает предложение одного очень известного артиста: «– Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма... нашего Шекспира? – Предложил как-то директор одного народного театра в фильме "Берегись автомобиля".

Названные авторы, как отмечено выше, утверждают, что в так называемом «объективно-истинном» уголовном процессе «все процессуальные принципы и правовые институты направлены на достижение объективной истины». А в состязательном уголовном процессе, которого они называют не иначе, как «выигрышно-проигрышный» (лично мне такое выражение просто режет слух – А.К.), и в котором «цель и средства не выходят за состязательный предел, за рамки, по сути, тавтологического подхода: «состязание для состязания», и пусть победит сильнейший».

Авторы указанных работ ни много ни мало замахнулись на отрицание состязательного типа уголовного процесса, заменив его так называемым «объективно-истинным уголовным процессом». Возникает желание сказать: «Какая нелепость!». Ведь и в так называемом «объективно-истинном» уголовном процессе также участвуют прокуроры и защитники. Между ними ведутся споры, они состязаются по вопросам о наличии или отсутствии события преступления, о доказанности или недоказанности вины обвиняемого, о характере и размере ущерба, причиненного преступлением и по другим вопросам. Кто-то из них оказывается более убедительным, а кто-то менее? Это так или нет?

Так что и так называемый «объективно-истинный процесс» также состязательный! Так в чем же тогда отличие так называемого «объективно-истинного процесса» от процесса состязательного? Думается, что убедительного ответа на эти вопросы не получить.

По мнению названных авторов, как отмечено выше, в так называемом «объективно-истинном» уголовном процессе, «все процессуальные принципы и правовые институты направлены на достижение объективной истины». В то время как в «состязательном (выигрышно-проигрышном) уголовном процессе, «цель и средства не выходят за состязательный предел, за рамки, по сути, тавтологического подхода: «состязание для состязания», и пусть победит сильнейший, даже если позиция победителя не соответствует реальной действительности».

Приходится, к сожалению, констатировать, что сторонники так называемого «объективно-истинного процесса» не знают о сущности состязательного процесса, к которому человечество шло многие столетия и ещё продолжает идти.

Никогда не думал, что в настоящее время придется выступать в защиту состязательного уголовного процесса, но с учетом отмеченных публикаций, это представляется необходимым.

Как известно, принцип состязательности был объявлен буржуазным в определенный период в СССР, позднее отношение к нему изменилось. В настоящее время он закреплен в Конституции РФ (ч. 3 ст. 123), в УПК РФ (ст. 15). Много для закрепления данного принципа в законодательстве, для уяснения его роли в установлении объективной истины, сделал известный ученый-процессуалист М.С. Строгович, Он писал: «состязательное построение и проведение судебного процесса обуславливают проверку на суде каждого факта, каждого обстоятельства, каждого доказательства, и с позиции обвинения, и с позиции защиты. Таким образом, суд получает возможность выслушать все, что подтверждает обвинение, и все, что говорит в пользу обвиняемого, не упустить ничего, что изобличает обвиняемого и отягчает его вину, что оправдывает обвиняемого и смягчает его ответственность. Это обеспечивает максимальные возможности установления истины» (выделено мною – А.К.) [9]. И.Л. Петрухин писал: «Наиболее подходящие условия для установления истины существуют в состязательном процессе» [10]. Говоря о принципе состязательности, В.М. Савицкий отметил, что суду помогает «...столкновение в суде двух противоположных функций – обвинения и защиты, что рождает спор, состязание борьбу мнений. Когда такой способ установления истины, отыскания правды применяется для решения вопроса о виновности, мы говорим, что судебное разбирательство основано на принципе состязательности» [11].

Обратимся к тому факту, что же говорится в разных странах и на разных языках по поводу установления истины в результате спора, состязания. Английский: *thought thrives on conflict*; Французский: *de la discussion jaillit la lumière*. Вот Латынь: «DU CHOC DES OPINIONS ... У нас это принято переводить, как «В спорах рождается истина». Буквально: «В столкновениях мнений являет себя истина».

Ещё Ф.А. Волькенштейн и А.В. Бобрищев-Пушкин писали: «Совершенства на свете нет в творениях рук человеческих, много опасных и

вредных сторон и у состязательного уголовного процесса, но что же делать, если лучше пока ничего люди не выдумали?» [12].

Можно много еще говорить о сущности и значении состязательного уголовного процесса, но не вижу смысла. Лично мне непонятно, почему авторы так называемого «объективно-истинного процесса» отвергают приведенные взгляды? Почему состязательный уголовный процесс нельзя назвать, к примеру, объективно-истинным?

Рассматривая сущность так называемого «объективно-истинного процесса» нельзя не обратить внимания на то, как его сторонники оценивают действующий УПК РФ. Так, Печников Г.А. и Бунин К.А. пишут: «концептуальная сущность действующего УПК РФ состязательная, все в нем осостязательствовано, все подчинено и служит состязательности, осостязательствованы, соответственно, и все принципы уголовного судопроизводства» (выделено мною – А.К.) [13].

Если исходить из указанного, значит, например, и действие принципа состязательности на предварительном следствии тоже «осостязательствовано»? А как же быть с высказанной и обоснованной в юридической литературе точкой зрения, что принцип состязательности на предварительном следствии действует не в полной мере? Так, И.Л. Петрухин писал о том, что Российский уголовный процесс традиционно относили и относят к «смешанному», или континентальному, с четким делением на тайное, письменное не состязательное досудебное производство и гласное, устное, состязательное судебное разбирательство. По его мнению, «если замысел законодателя сбудется, то предварительное расследование в России приобретет черты состязательности, и российский уголовный процесс перестанет быть «смешанным». Но, конечно, он не сможет сразу избавиться от таких свойственных инквизиции черт, как тайное письменное производство, прокурорский надзор за следствием и некоторые другие. Однако подлинное преобразование предварительного расследования в России путем внедрения состязательности маловероятно ... Чтобы уровнять во всех процессуальных возможностях обвинение и защиту

(выделено мною – А.К.), т. е. ввести параллельное адвокатские расследование с обязательным приобщением к уголовному делу добытых таким образом доказательств и установлением правила – ходатайство защиты о проведении тех или иных процессуальных действий подлежат обязательному удовлетворению. Однако мало шансов ожидать, что столь глубокие преобразования будут проведены» [14].

И ещё, кратко, об одном из принципов уголовного процесса. Г.А. Печников и К.А. Бунин пишут: «На наш взгляд, вовсе не случайно принцип публичности не закреплен в действующем уголовном процессе, он уступил свое место диспозитивности, состязательности»[15]. Это как же «не закреплен»?!

Наоборот: В уголовном процессе России – и в досоветский её период, и в настоящее время – всегда господствовал и господствует принцип публичности. Так, В.К. Случевский публичность называл основным принципом процесса. Принцип этот, по его мнению, заключается в том, что совершившееся преступное посягательство на охраняемую государством правовую норму создает право государства на применение уголовной кары, осуществляемое в установленном законами процессуальном порядке уполномоченными на то лицами, независимо от воли потерпевшего лица» [16]. О принципе публичности в современном уголовном процессе России пишут А.С. Александров [17], В.П. Божьев [18] и многие другие авторы.

И здесь хотел бы отметить следующее.

Уважаемые авторы, отрицающие наличие принципа публичности в современном уголовном процессе России! Обратите свое внимание на ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, ч. 2 и 3 ст. 21, ст. 73, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 157 УПК и другие нормы, в которых закреплен принцип публичности.

Например, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ говорится, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять,

---

[15] См.: Печников Г.А., Бунин К.А. Диалектика в вопросе о цели уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4. С. 104.

проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение. А часть 2 ст. 21 УПК РФ, которая называется: «Обязанность осуществления уголовного преследования» предписывает: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

В ст. 146 УПК РФ говорится о порядке возбуждении уголовных дел публичного обвинения, об этом же и в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, а ст. 157 УПК РФ предписывает обязанность производства неотложных следственных действий и т. д.

Изложенное подтверждает тот факт, что нельзя говорить, как это делают Г.А. Печников и К.А. Бунин, о том, что в УПК РФ не закреплён принцип публичности.

Конечно, авторы имеют право считать весь уголовный процесс России чисто состязательным, чего я, к сожалению, признать не могу, но как научные работники они должны были учесть и проанализировать вышеназванные точки зрения и попытаться опровергнуть их конкретными доводами.

Можно приводить и анализировать много других положений из работ сторонников так называемого «объективно-истинного процесса», но остановлюсь лишь ещё на двух из них.

Сторонники так называемого «объективно-истинного процесса» неверно понимают роль суда в действующем уголовном процессе. Так Г.А. Печников и В.С. Посник пишут: «Как независимый арбитр в правовом споре суд основывает свой вывод, решение по делу (определяет победителя состязательного поединка) (выделено мною – А.К.), исходя из тех доказательств, которые представили суду стороны». «Суд по существу пассивен (выделено мною – А.К.), он не призван в состязательном УПК РФ,

устанавливать объективную истину, но обязан констатировать истину юридическую (формальную, судебную)» [19].

Не дело в статье давать давно уже состоявшееся в науке определение принципа состязательности, говорить о его содержания – это и принцип равенства сторон, и принцип процессуальной независимости суда. Приведу лишь два важных суждения о роли суда: «роль уголовного суда в процессе в наши дни далеко не пассивна – он вправе и даже обязан активно участвовать в собирании и проверке доказательств с тем, чтобы установить по делу объективную истину. Это объясняется публичным значением интересов, затрагиваемых в уголовных делах» [20].

Л.В. Головкин в пока единственном в постсоветское время Курсе уголовного процесса пишет: «обвинительно-состязательный характер судебного разбирательства не превращает судью в «пассивного арбитра» между сторонами. Он по-прежнему активен, вправе производить судебные следственные действия по своей инициативе, самостоятельно вести допрос свидетелей и т. д. Иначе говоря, деятельность судьи направлена здесь не только и не столько на разрешение спора, сколько опять-таки на установление материальной (объективной) истины» [21].

Почему бы названным выше авторам не поспорить с точкой зрения Головкина Л.В., Смирнова А.В. и других о роли судьи в состязательном процессе? Да потому, что у них нет оснований для спора.

И действительно, ст. 86 УПК РФ дает суду право собирать доказательства, ст. 87 – проверять их, ст. 88 – оценивать их с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности... Суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе. В соответствии с ч. 2 ст. 17 никакие доказательства для судьи не имеют заранее установленной силы.

Кроме того, суд правомочен рассматривать ходатайства участников процесса о приобщении к делу представленных ими доказательств, рассматривать жалобы на действия и решения, которые способны причинить

ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства (ст. 125 УПК РФ), давать разрешение на производство определенных следственных действий (статьи 29, 165 УПК РФ). Суд вправе вернуть дело прокурору (ст. 237 УПК РФ), по основаниям и в порядке, указанным в законе, прекратить уголовное дело, все собранные в ходе предварительного следствия и представленные в суд доказательства проверяются в ходе судебного следствия. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании (ч.3 ст. 240 УПК РФ). При отмене приговора или иного судебного решения и передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство либо при возвращении уголовного дела прокурору суд не вправе предрешать вопрос, в том числе, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства (ст. 389.19 УПК РФ), и т. д. и т. п.

Где же здесь «пассивная» роль суда, о которой говорят названные авторы?

И немного - об «объективно-истинной процессуальной жалобе» и «состязательно-выигрышной процессуальной жалобе», о которых рассуждают Г.А. Печников, С.Д. Назаров и В.Г. Волколупов, и которые полагают, что «объективно-истинная справедливость в уголовном процессе выше справедливости победителя правового поединка сторон в состязательном уголовном процессе» [22].

Признаюсь: у меня нет желания комментировать названные, очевидно, по мнению авторов, научные суждения. Но приходится, если взялся за настоящую работу.

Авторы пишут: «Процессуальная жалоба в объективно-истинном процессе обладает объективно-истинным свойством и направленностью. В состязательном типе уголовного процесса (УПК РФ) в силу самодостаточности состязательности (поскольку состязанием сторон обвинения и защиты определяется сильнейший, победитель) объективная истина не приемлется; в таком уголовном процессе и процессуальные жалобы имеют состязательно-

выигрышную направленность, независимо от того, соответствует ли позиция победителя реальной действительности или нет» [23].

Ну что здесь сказать? Возникает желание спросить у авторов, например, о том: жалоба обвиняемого на отказ следователя о назначении по делу дополнительной экспертизы, или жалоба потерпевшего на отказ следователя о вызове определенных граждан и допросе их в качестве свидетелей – к какому виду жалоб их следует отнести – к процессуальной жалобе в «объективно-истинном процессе» или к процессуальной жалобе в состязательном уголовном процессе? Думается, что четкого определенного ответа на эти вопросы, как и на многие другие, связанные с ними, не получить.

Можно представить такую картину: прокурор района спрашивает своего помощника: «Ты где был?», и получает ответ: «В суде, участвовал в выигрышно-проигрышном уголовном процессе». Можно представить и реакцию прокурора на эти слова...

Авторы в приведенных выше работах анализируют положения, так называемого неизвестно откуда появившегося «объективно-истинного» типа уголовного процесса. И здесь появляются вопросы: как можно исследовать то, чего нет? Это, какие же общественные отношения регулируются в том процессе, которого нет?! И если современный уголовный процесс России, по приведенным выше утверждениям авторов, «весь состязательный», то, понятно, что в нем нет места так называемому «объективно-истинному». Так что же исследовали авторы?

Все рассуждения авторов о так называемом «объективно-истинном» типе процесса, построенные исходя из несуществующего мифического «объективно-истинного-процесса», противоречат уголовно-процессуальному законодательству и Конституции России, являются ошибочными.

В заключение приведу обоснованное суждение А.С. Александрова и И.А. Тутиковой, высказанное ими на Международной научно-практической конференции, прошедшей в Академии управления МВД РФ: «все нации рано или поздно придут к состязательной - единственно нормальной системе

уголовного судопроизводства, хотя не совсем одинаково: своими путями, со своими особенностями. Но лучше это сделать пораньше и самим, чем позже и под диктовку «варягов» [24].

Убеждён, что теории, подобные «объективно-истинному процессу» нельзя оставлять без внимания: пойдут соответствующие статьи, диссертации и под видом научности в уголовно-процессуальную теорию войдут различные наукообразные взгляды.

§ 2. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России?

В рамках данного параграфа работы, затрону лишь одну из многих проблем уголовного судопроизводства России, исследование которых ведется в настоящее время. Проблема эта видна из следующего определения: **«Обвиняемый в уголовном процессе России – тот же подозреваемый»**, представляющего собой, во многом, сущность параграфа.

В ст. 14 УПК РФ, закрепившей принцип презумпции невиновности, в первой её части установлено: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Но если предполагается, что обвиняемый до вступления в отношении него обвинительного приговора является лицом, не виновным в совершении преступления, то каким же участником уголовного процесса должно быть лицо, представшее перед судом? На мой взгляд – только подозреваемым! И здесь встает вопрос: зачем в уголовном процессе иметь двух участников процесса – подозреваемого и обвиняемого? Достаточно одного – подозреваемого.

Почему необходимо говорить об этом? Как известно, в России мало выносятся оправдательных приговоров, причины такого явления активно обсуждаются практическими и научными работниками. Думается, что одной из них является то обстоятельство, что перед судом в соответствии с

действующим в настоящее время законом находится не подозреваемый в совершении преступления, а обвиняемый. То есть в действительности лицо, в отношении которого имеется хотя бы обоснованное, но всего лишь подозрение (предположение) о совершении им преступления. В русском языке «подозрение» - это предположение, основанное на сомнениях в правильности, законности чьих-нибудь поступков [1.С.466]. Если бы из УПК РФ был исключен такой участник процесса, как обвиняемый, а оставлен только подозреваемый, то, убежден, это заставляло бы органы предварительного расследования более тщательно собирать доказательства его виновности или невиновности в совершении преступления. И судья, понимая, что перед ним на скамье подсудимых лицо, лишь подозреваемое в совершении преступления, также внимательнее относился бы к исследованию и оценке имеющихся в деле доказательств и доказательств, полученных в ходе судебного следствия.

Какие же изменения в УПК РФ представляются необходимыми? Назову некоторые из них.

Статью 46 УПК РФ, содержащую понятие подозреваемого, дополнить указанием на то, что подозреваемым является также лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении к участию в деле в качестве подозреваемого (структура и содержание данного постановления, порядок ознакомления с ним должны быть определены в УПК РФ). В нем, а также и в других установленных законом актах должна содержаться формулировка подозрения определенного лица в совершении конкретного преступления.

Подозреваемым также должно являться лицо, в отношении которого вынесен обвинительный акт и лицо, в отношении которого составлено обвинительное постановление.

Таким образом, лицо, в отношении которого составлено постановление о привлечении к участию в деле в качестве подозреваемого (или в ином, названном в законе акте), станет в уголовном процессе не кем иным, как подозреваемым. При производстве по уголовному делу вплоть до вынесения

судом соответствующего приговора о нем нужно будет говорить, только как о «подозреваемом».

Статью 46 УПК РФ предлагается дополнить частью 2¹ следующего содержания:

«2¹. Подозреваемый, в отношении которого по уголовному делу назначено судебное разбирательство, именуется в суде подозреваемым. Подозреваемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Подозреваемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, является оправданным».

В статью 46 УПК РФ после перечисления прав подозреваемого нужно добавить часть с примерно таким началом: «Подозреваемый имеет и другие права»: – и перечислить в этой части права подозреваемого, которые есть в настоящее время у обвиняемого, в том числе применительно к окончанию предварительного расследования и рассмотрению дела в суде.

Здесь предложены лишь некоторые изменения в УПК РФ, которых, конечно же, будет очень много в случае устранения законодателем из УПК РФ такого участника процесса, как обвиняемый. При этом следует принять во внимание и на наличие в УПК РФ норм, относящихся в равной мере к подозреваемому и обвиняемому. Например, статья 16 носит название: «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту». В ч. 2 ст. 14 УПК РФ говорится о том, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и что бремя доказывания обвинения и опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. В статьях 46 и 47 УПК РФ, в других его статьях также содержатся нормы, относящиеся в равной мере к подозреваемому и обвиняемому.

Применительно к рассматриваемому вопросу, как представляется, имеют значительный научный и практический интерес, отдельные положения уголовного процесса некоторых зарубежных государств, относящиеся к рассматриваемым в настоящей статье вопросам.

Например, в уголовном процессе Федеративной Республики Германии имеются различные степени подозрения в совершении преступления: **предположения** (дознание не допустимо); **начальное подозрение** - *возможность* совершения преступления (обстоятельства дела, улики). Появляется *обязанность* начать дознание (свобода действий, оценки); **достаточное подозрение** - *вероятность* того, что обвиняемый совершил уголовно наказуемое деяние и будет осужден. Возникает *обязанность предъявить государственное обвинение*. **Сильное подозрение** – при *высокой степени вероятности*, что обвиняемый совершил уголовно наказуемое деяние. В такой ситуации могут быть применены определенные меры принуждения, например, заключение под стражу [2.С.81].

Здесь стоит обратить внимание на то, что отсутствует утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления, а, говорится, например, лишь о «высокой степени вероятности» - при сильном подозрении.

Заслуживают внимания и положения уголовно-процессуального законодательства Франции. Л.В. Головкин отмечает, что сравнительно недавно процедура предъявления обвинения в этой стране подверглась кардинальным реформам (законы от 4 января 1993 г., от 24 августа 1993 г. и от 15 июня 2000 г.). Прежде всего, изменилось само наименование института, который ныне называется не «предъявление обвинения», а «привлечение к рассмотрению». Соответственно вместо обвиняемого появился новый участник процесса – лицо, привлеченное к рассмотрению. Изменение терминологии, по мнению Л.В. Головкина, объясняется попыткой законодателя более последовательно отстаивать принцип презумпции невиновности. Этому принципу, считает законодатель, противоречит использование слов, содержащих корень «вина». Это слова - «обвиняемый», «обвинение» и т. д. [3.С.350-351]. Думается, что указанные изменения в уголовном процессе Франции заслуживают внимания не только при рассмотрении вопросов, затронутых в настоящей работе, но и отдельного исследования.

К сожалению, имелось и в настоящее время есть ещё в России немало научных и практических работников, которые привлечение лица в качестве обвиняемого отождествляют с привлечением к уголовной ответственности. И это еще до вынесения обвинительного приговора и начала реализации норм уголовного закона! Так, Л.М. Карнеева в своей книге с названием, о многом говорящем: «Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность», писала о том, что привлечение к уголовной ответственности в уголовном процессе именуется также «привлечением в качестве обвиняемого», а постановление, в котором формулируется обвинение, - «постановлением о привлечении в качестве обвиняемого» [4.С.11-12].

В юридической литературе иногда сущность привлечения в качестве обвиняемого освещается таким образом, что вполне можно понять, что речь идет именно о преступнике. Например, А.В. Смирнов пишет о праве обвиняемого на защиту: «В отличие от подозреваемого, он защищается не от подозрения, связанного лишь с предположением о виновности лица в совершении преступления, а от обвинения, основанного на достаточных доказательствах виновности (ч. 1 ст. 171)» [5.С.138].

Из этого суждения вполне можно сделать следующий вывод: если подозреваемый защищается лишь от «*предположения*» (выделено мною – А.К.) о его виновности в совершении преступления, то обвиняемый – это лицо, обвинение которого основано на «достаточных доказательствах виновности». Но если «доказательств виновности» достаточно, то, следовательно, какие могут быть сомнения в виновности лица в совершении преступления? А как же быть с презумпцией невиновности самого обвиняемого, которая тоже не что иное, как предположение?

Сомневаюсь, что при приведенных выше теоретических установках судья будет думать, что перед ним на скамье подсудимых человек, возможно, и не совершивший преступления, а лишь подозреваемый в его совершении. И здесь будет действовать не презумпция невиновности, а презумпция виновности, суть которой, по мнению М.С. Строговича заключается в том, что всякий

обвиняемый считается виновным, пока не будет доказана его невиновность [6.С.228-229].

Сотрудник Следственного комитета РФ А.М. Багмет одну из своих статей назвал: «Следователь – судья на досудебной стадии» [7.С.8]. А судья, как известно, правомочен выносить приговор, и «приговор» следователя в досудебном производстве, излагается, очевидно, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении. Потом, можно предположить, «приговор» следователя продублирует настоящий судья в судебном заседании, в том числе путем переписывания положений обвинительного заключения в свой приговор.

Это подтверждается примерами из судебной практики. Так, в Российской газете В. Куликовым опубликована статья под названием «Приговор под копирку». В ней, в частности, говорится о том, что председатель Московского городского суда О. Егорова провела со столичными судьями работу над ошибками следующим образом: «На большом экране перед всеми судьями столицы, собравшимися в зале Мосгорсуда, продемонстрировали приговоры по конкретным делам с подчеркнутыми красным фломастером ошибками. В некоторых местах текст дословно совпадал с обвинительным заключением и даже копировал помарки следствия, причем – не только грамматические» [8.].

В Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год, опубликованном в Российской газете 17 апреля 2018 года отмечено: «Вызывает озабоченность **проблема незначительного количества оправдательных приговоров**. В 2017 году обвинительные приговоры постановлены по 99,6% рассматриваемых уголовных дел, и только 0,4% приговоров стали оправдательными» [10].

Даже представитель Следственного комитета РФ считает, что «не надо бояться 5 или даже 10% оправдательных приговоров. Революции от этого не произойдет, и государство не рухнет»[7.С.9].

Незначительное количество оправдательных приговоров при очень низком качестве предварительного расследования не может не удивлять.

О качестве расследования можно судить по данным за 2017 год, приведенным Генеральным прокурором РФ Ю.И. Чайкой на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 18 апреля 2018 года: ««Возросла доля особо тяжких деяний, а также связанных с незаконным оборотом наркотиков и оружия. И во многом это результаты просчетов системы профилактики. Опять приходится констатировать, что не произошло существенных изменений в работе органов расследования. По значительному количеству уголовных дел следствие по-прежнему ведется с превышением сроков, установленных законом. Особо настораживает ежегодный прирост дел, сроки расследования по которым превышают 12 месяцев. К концу прошлого года их число составляло около 4,5 тыс., а в Следственном комитете более 300 дел вообще расследуются свыше 3 лет.

Сохранились проблемы чрезмерной длительности содержания обвиняемых под стражей. Данные негативные тенденции уже не первый год развиваются на фоне снижения количества регистрируемых преступлений и лиц, их совершивших» [11].

О существенных недостатках в расследовании преступлений свидетельствуют результаты исследований разных авторов. А результаты проведенного И.Г. Смирновой анкетирования следователей и дознавателей на территории 18 субъектов РФ, просто вызывают тревогу: «12,7% следователей и дознавателей допускают возможность применения физического принуждения» к подозреваемым и обвиняемым [12.С.41].

И при указанном качестве предварительного расследования, отношении следователей и дознавателей к своей работе такой низкий процент оправдательных приговоров?

Не свидетельствует ли это об обвинительном уклоне в деятельности судей? На это обратил внимание Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, выступая на 8 Всероссийском съезде судей в декабре 2012 года.

По его мнению, назрела необходимость разработать и принять законодательные решения о создании института следственных судей. Он полагает, в частности, что институт следственных судей не только повысит эффективность судебного разбирательства, но и «поможет разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом, о которой постоянно говорят в юридическом сообществе. И заодно хотя бы отчасти преодолеть «обвинительный уклон» в отечественном правосудии» [13.С.9].

Думается, что разработка и принятие законодательных решений о создании института следственных судей потребует длительного времени. Как представляется, гораздо быстрее *разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом и «хотя бы отчасти преодолеть обвинительный уклон в отечественном правосудии» можно иным образом - путем внесения в УПК РФ изменений, которые бы предоставили судьям возможность считать, что перед ними на скамье подсудимых лицо, которое является лишь подозреваемым в совершении преступления.*

Хорошо ещё бы при этом, чтобы каждый судья помнил следующие слова английского правоведа и философа Иеремии Бентама: «При открытии заседания по делу ум судьи колеблется между мыслью о невиновности и о виновности обвиняемого» [14.С.57]. Колеблется ли?

Очень близко ко всему рассмотренному выше, в том числе к «обвинительной связке между следствием и судом», примыкает вопрос об установлении объективной истины в уголовном судопроизводстве.

На мой взгляд, неправы те научные и практические работники, которые утверждают, что в новом УПК РФ отсутствует *цель установления объективной истины по делу*. Эта цель закреплена в ст. 73, требующей установления по каждому уголовному делу, события преступления (времени, места, способов и других обстоятельств совершения преступления), виновности лица в совершении преступления, форм его вины и мотивов, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, а также характера и размера вреда, причиненного преступлением. И если указанные обстоятельства установлены

такими, какими они были в действительности, а не придуманы следователем и руководителем следственного органа, как это иногда бывает, то объективная истина установлена.

И *требование объективности при производстве по делу* в УПК РФ также содержится. В той же ст.73 говорится, что подлежат доказыванию обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Следует отметить, что относительно проекта закрепления по инициативе Следственного комитета РФ объективной истины в УПК РФ сломано немало копий. Приведу лишь, на мой взгляд, очень точное суждение опытного судьи - председателя Мегионского городского суда Тюменской области А.В. Пиюка об этом законопроекте: «можно сделать предположительный вывод, что цель его авторами преследуется благая, вместе с тем очевидно, что её пытаются достичь негодными средствами, указывая, как и в ст. 20 действовавшего ранее УПК РСФСР, что объективную истину путем собирания доказательств обязаны устанавливать все, как органы предварительного расследования, так и суд. Возложение на суд обязанности устранять пробелы предварительного расследования, устраняя огрехи и промахи следствия, принимая на себя ответственность за обоснование и подтверждение версии обвинения, не соответствует ни функциям, ни высокой роли суда в уголовном процессе. Суд ни в коем случае не должен отвечать за качество предварительного расследования...если пробелы следователя в любом случае обязан устранить суд, то зачем следователю излишне напрягаться и качественно выполнять свои обязанности» [15.С.52-55].

Подводя итоги изложенному, приведу суждение известного в прошлом ученого-процессуалиста И.В. Михайловского, указавшего, что в тот день, когда судьи принуждены были бы «оказывать содействие» власти в преследовании преступников, собирая доказательства виновности и привлекая к

ответственности по собственной инициативе, одним административным органом было бы больше. Но суд, как охранитель законности, как защитник прав всех и каждого, как главный устой правопорядка, перестал бы существовать [16.С.89-90].

Автор понимает, что высказанные им суждения не являются бесспорными, но в том, что затронутые в ней проблемы нуждаются в дальнейшем обсуждении, исследовании и разработке – убежден.

Библиографический список параграф 1

1.Печников Г.А., Блинков А.П., И.В. Казначей «О значении материалистической диалектики как истинно научного метода познания и объективной истины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1(32). С. 118.

2.Там же, с. 115.

3.Печников Г.А., Блинков А.П., И.В. Казначей. Указ. соч. С. 117.

4.Кобликов А.С. Исторические типы, формы и виду уголовного процесса // Курс советского уголовного процесса: Общая часть. Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. С. 352.

5.Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 28-29,30.

6..Божьев В.П. Виды уголовного процесса: исторический опыт и действительность // Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. С. 14.

7. например: Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001.

8.Калиновский К.Б. Основные виды уголовного судопроизводства: Учебное пособие. – Издательство юридического института (Санкт-Петербург). 2002.

- 9.Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. Изд-во «Наука». М., 1968. С. 153.
- 10.Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. – М.: ТК Велби, 2004. С. 204.
- 11.Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М.. Уголовный процесс России. Лекции-очерки. /Под ред. проф. В.М. Савицкого. - Изд-во БЕК, М., 1997. С. 54.
- 12.Волькенштейн Ф.А., Бобрищев-Пушкин А.В. Прения сторон в уголовном процессе. СПб, 1903.. С. 60.
- 13.Печников Г.А., Бунин К.А. Диалектика в вопросе о цели уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД РФ. 2009. № 4(11). С. 102.
- 14.И.Л. Петрухин. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. – М: ТК Велби, 2004. С. 22-23
- 15.Печников Г.А., Бунин К.А. Диалектика в вопросе о цели уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4. С. 104.
- 16.Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1913. С.49.
- 17.Александров А.С. Система принципов уголовного процесса // Уголовный Процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков; Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. С.84.
- 18.Божьев В.П. Указ. соч. С. 76-77.
- 19.Печников Г.А., Посник В.С. О концепции приоритета процессуальной формы над истиной и гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД РФ. 2011. № 2(17) 2011. С. 118.
- 20.А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. Уголовный процесс. / 2-е издание. Под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб: Питер, 2005. С. 61.
- 21.Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., профессора Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016.– С. 139.

22. Печников Г.А., Назаров С.Д., Волколупов В.Г. О принципе права на обжалование процессуальных действий и решений в объективно-истинном и состязательном уголовных процессах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016 № 4(39). С. 96.

23. Там же.

24. Александров А.С., Тутикова И.А. Уголовно-процессуальные системы европейской цивилизации и российский уголовный процесс // Правовые и организационные механизмы реализации уголовно-процессуального законодательства (к 15-летию вступления в действие УПК РФ) сборник материалов научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2017. С. 19.

Библиографический список параграф 2

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
2. Бойльке Вернер. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник, 6-е изд., с доп. и изм. Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. - 352 с.
3. Головки Л.В. Республика Франция // Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. Издательство «Зерцало-М», 2002. – 528 с.
4. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., «Юридическая литература», 1971. – 136 с.
5. Смирнов А.В. Обвиняемый // А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. Уголовный процесс: Учебник для вузов / 2-е изд. Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб: Питер, 2005. – 699 с.
6. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. – 384 с.
7. Багмет А.М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. №. 14. С. 8.

8. Российская газета. 2010. 4 марта.

9. Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: диссертация... кандидата юридических наук. Воронеж, 2009. – 300 с.

10. Российская газета. 2018. 17 апреля.

11. Чайка Ю.И. Доклад Генерального прокурора РФ Ю. И. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 18 апреля 2018 года. - http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/1367434/

12. Смирнова И.Г. Уголовное судопроизводство в свете социологического исследования: взгляд со стороны обвинения // Российский судья. 2013. № 11. С. 41.

13. Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 9..

14. Бентам И. О судебных доказательствах. Киев, 1876. – 440 с.

15. Пиюк А.В. Возвращение «объективной истины»: правильно ли расставлены акценты? // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 52-55.

16. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск, 1905. – 336 с.